

Дора аппарировала обратно к Гарри, желая поделиться с ним своим успехом и получить объяснение, что именно ей удалось сделать.

— Плюс-минус полтора часа, — произнёс он, как только она выскочила из ниоткуда. — Совсем неплохо.

— Что это было? — спросила она, плюхаясь на покрывало и потирая побаливающую пятую точку. — Этот валун... я просто... поняла, что его недавно вытащили из океана. Это ведь ты его перенёс, да?

— У мира тоже есть голос, хотя в наше время, да и нашу эпоху, мало кто учится слушать его, да и не факт, что это хоть когда-либо было распространено, — объяснил Гарри. — Да, я переместил этот валун на следующий день после нашего прибытия на остров. Я подумал, что тебе нужно будет что-то погромче.

— Но что это был за «голос»? — спросила она.

— Голос — это душа, и да, у неодушевлённых предметов тоже есть душа. Люди, естественно, любят отождествлять с душой разум, но это просто из-за страха смерти. Душа — это, по сути, экзистенциальный отпечаток пальца, включающий в себя всё, чем является человек или предмет и что с ним происходило. Теоретически можно узнать всё о любом человеке или объекте, просто слушая их души, но наш разум слишком ограничен, чтобы уловить даже крошечную часть этой информации.

— Это... довольно удивительно, но как это связано с Чароплётством?

— А, да. Волшебники и ведьмы, как обычно, являются аномалией. Благодаря осязаемой

связи между нашим разумом и душой, последние становятся более... живыми, если так можно выразиться. Наши души — единственные в своём роде, из тех что я встречал, что являются одновременно и приёмниками, и передатчиками, не считая, может быть, гоблинов.

Дора моргнула от неожиданной аналогии с радио.

— Ага, а вот это лучше объяснить.

— Как я уже говорил, у всего сущего есть душа, голос, но не каждый может научиться его слышать. По сути, большая часть человечества и все остальные формы жизни рождаются глухими к этому экзистенциальному слою. Скажи мне, ты смогла бы обнаружить использование заклинания левитации на этом валуне обычными средствами через две недели? Или что я вытащил его из океана?

— Конечно, нет, — ответила Дора. Левитация и так оставляла после себя очень мало магических следов, и обнаружить её через две недели было бы невозможно с помощью любого известного ей заклинания. А попытаться определить, что валун был поднят из океана... она не смогла бы даже разобраться с помощью какого традиционного заклинания такое было сделано.

— Конечно, нет, — согласился Гарри, — но ты могла «услышать» воспоминания об океане и эхо моего заклинания в душе камня. Это заклинание было сформировано моим разумом и волей и несло на себе отпечаток моей души. Палочковая магия несёт в себе следы существа, части которого были использованы при её создании, плюс отпечаток заклинателя, а не нефильтранный отпечаток, который создаёт беспалочковая магия. Мы вернёмся к тому, как это поможет тебе изучить Чароплётство, чуть позже. А пока давай просто скажем, что это небольшое упражнение должно было дать тебе некоторое представление о контексте.

— Контексте? — спросила она с любопытством.

— Все действия, даже обыденные, оставляют в мире своего рода память. Большинство из них просто сливаются с фоном, если только они не относятся к разряду катаклизмов, таких как извержение вулканов, падение метеоритов, войны или другие виды резких и чрезвычайно разрушительных событий. Однако магические действия, даже относительно небольшие, создают большой всплеск, когда совершаются впервые, и оставляют гораздо более сильные воспоминания. Пройдёт ещё очень много времени, прежде чем этот валун «забудет» моё заклинание левитации.

Дора какое-то время размышляла над этим. Во время обучения Гарри всегда предпочитал делать так, чтобы у тебя оставались вопросы, когда это было возможно, а не кормил всем понемногу с ложечки. Его любимыми вопросами были «как» и «почему», и она уже спрашивала недавно «как».

— Почему использование магии вызывает большой «всплеск»? — спросила она.

Гарри одобрительно улыбнулся ей и спроецировал чувство удовлетворения через свою ауру. Это заставило её улыбнуться в ответ и гордо выпятить грудь, отчего её сиськи четвёртого размера подпрыгнули. Его взгляд метнулся к ним — что превратило её улыбку в ухмылку — но он никак не отреагировал.

Как это часто и бывало, он ответил другим вопросом:

— Сколько лет магии?

Это сбilo её с толку. Как она должна была ответить на этот вопрос?

— Понятия не имею, — призналась она.

— Подумай, — предложил он. — Истина достаточно очевидна, если исключить все нелепые ответы.

Подумать, значит?

Ну, если она исключит все нелепые ответы, то первое, что приходило ей на ум, так это теория, упорно распространяемая среди некоторых чистокровных, что магия ещё с начала времён сама выбирала, какие кровные линии будут магическими. Эта теория была сопряжена с множеством нестыковок, главной из которых являлось само существование маглорождённых и упрямая вера этих чистокровных в то, что возраст мира исчислялся тысячами лет, а не миллиардами.

Тем не менее, несмотря на эгоистическую глупость, они почти точно угадали с одной вещью. Магия должна быть старше человечества.

Она вспомнила разговор, подслушанный ею в первые дни учебы в Хогвартсе. Дора занималась в библиотеке и услышала разговор двух мальчиков, на год старше неё, рассуждавших о том, не являются ли драконы родственниками динозавров. Эта идея зацепила её просто потому, что она казалась правдоподобной.

Кроме того, она знала, что в то время как отдельные магические правительства должны были сдерживать нарушения Статута Секретности, допущенные их гражданами, в самом МКМ работал очень большой отдел обливизайтеров, единственной обязанностью которых — помимо того, что они всегда были наготове в случае действительно серьёзного нарушения — было внимательно следить за миром маглов и удалять любые палеонтологические или археологические свидетельства, способные намекнуть на магию. Гарри также изучил историю МКМ и узнал, что ещё при основании конфедерации была проведена огромная работа по удалению любых следов таких знаний из поля зрения общественности, тем самым они закончили работу, которую европейские волшебники и ведьмы бессистемно выполняли в течение нескольких столетий до этого.

Поэтому, если драконы действительно были родственниками динозавров, то это означало, что и магия, вероятно, была старше них. Поскольку не осталось никаких особых причин думать, что это предел, то следовало, что магия, вероятно, старше самой планеты. Учитывая объяснения Гарри о звёздах и Бездне... ну да, магия, вероятно, так же стара, как и вселенная. Хм, кто бы мог подумать, это действительно было очевидно.

— Так же стара, как и вселенная? — спросила она возвышенным тоном.

— По крайней мере, такого же возраста, да. Масштабы её слишком велики, чтобы просто случайно появиться на свет или быть созданной искусственно, поэтому она должна была существовать с самого начала времён, — согласно кивнул Гарри.

— Хорошо, — проронила Дора и сделала паузу. — И как это отвечает на мой вопрос?

Гарри усмехнулся:

— Никак, пока что. Боюсь, нам придётся отвлечься ещё пару раз, прежде чем я смогу дать тебе прямой ответ.

Дора весело фыркнула и закатила глаза, но всё равно кивнула. Теперь она знала, как устроены уроки Гарри. Он отступал от темы всякий раз, когда нужно было объяснить какую-то концепцию, прежде чем ответ обретёт нужный смысл.

— Хорошо, давай отвлечёмся, — сказала она, властно взмахнув рукой.

Он так и сделал.

— Человеческая наука признаёт, что наша вселенная управляется четырьмя фундаментальными силами: гравитацией, электромагнетизмом, слабым ядерным взаимодействием и сильным ядерным взаимодействием. Магия не вписывается в эту систему, она грубо искажает основные принципы одной или нескольких из них каждый раз, когда используется даже по самой незначительной причине. Левитация? Она противоречит эффекту гравитации без использования очевидной с точки зрения физики силы. Трансфигурация? Она изменяет молекулярную и даже атомную структуру объектов, словно это что-то столь же тривиальное, как песок перемешать. Подобный пример найдётся для каждого заклинания, какое ни возьми.

— Так ты хочешь сказать, что магия — это аберрация? — медленно спросила Дора, сведя брови вместе и пытаясь понять, к чему он клонит.

— Не совсем, — ответил Гарри со слабой улыбкой. — Хотя магия и является отклонением, если смотреть на неё с обычной точки зрения, она также является неоспоримой частью нашего существования, и поэтому ей должно быть отведено какое-то место. Если магию нельзя поместить в пределы мира, воспринимаемого обычными чувствами, значит, она должна существовать за его пределами.

— Как такое может быть? — спросила она скептически.

Гарри, похоже, ожидал этого вопроса. Возможно, Флёр и Луна уже задавали его, или он сам задавался им. В любом случае, он был готов ответить:

— Представь себе мир, существующий только в двух измерениях. Всё в этом мире будет измеряться только длиной и шириной. Для людей, живущих в этой «Флатландии» (п.п. в ориг.

Flatland — плоская земля, а ещё это название романа Эдвина Э. Эбботта, на которое и была отсылка.), само понятие высоты было бы более чуждым, чем торговые отношения Великобритании с Японией для слизняка. Если бы мы посмотрели вниз на Флатландию, то смогли бы увидеть её и её жителей во всей их полноте. Границей их тел выступала бы кожа, но она ничего не скрывала бы от твоего трёхмерного взгляда. Если бы мы смотрели достаточно близко, то могли бы даже увидеть, как работают отдельные синапсы мозга, или ткнуть пальцем прямо в их внутренности, и они были бы не в силах остановить нас — они даже не смогли бы нас воспринять. И аналогично, эти двумерные люди были бы недоступны для восприятия любого, кто жил бы в одном измерении, обозначенным только как «вперёд-назад». Точно так же всё, что выше третьего измерения, находится за пределами восприятия обычных трёхмерных существ.

Акцент на «обычных» в последнем предложении был настолько ясным намёком, насколько это вообще было возможно.

— Но не для нас? — спросила Дора.

— Не для нас, — согласился Гарри. — По крайней мере, не полностью. Мы по-прежнему простые люди и имеем человеческие ограничения, но частично существуем и за пределами этих ограничений. Помнишь, мы говорили о том, что душа — это экзистенциальный отпечаток пальца? Это онтологическая концепция, не определяемая физической реальностью, и она может также не существовать при всём том влиянии, которое она оказывает на немагических существ, но мы — другие. Большинство волшебников и ведьм — когда они хотя бы соизволят подумать об этом — любят представлять, что внутри них есть ядро энергии, запрашивающее их заклинания, но всё совсем не так просто. Можно сказать, что магия существует параллельно физической вселенной, а мы, благодаря какому-то космическому подарку судьбы, были одарены способностью воспринимать и взаимодействовать с ней в той ограниченной степени, на которую способен наш разум.

— Ты сказал, что мы обладаем магией благодаря какому-то «космическому подарку судьбы», но ведь всем хорошо известно, что магические способности передаются через кровные линии. Как ты тогда объяснишь это?

— Это отличный вопрос! — задорно улыбнулся ей Гарри, выражение, довольно странно

выглядевшее на его покрытом шрамами лице. — Короткий ответ заключается в том, что магия порождает ещё больше магии. Волшебники и ведьмы выделяют мощный поток чистой магии во время оргазма, чего, кстати, так жаждут вейлы, но любая достаточно высокая концентрация магии, имеющаяся во время зачатия, также значительно увеличивает шансы на то, что ребёнок станет волшебником.

— И как именно ты это выяснил? — скептически поинтересовалась Дора.

Глаза Гарри внезапно забежали.

— Гарри... — произнесла она с предупреждением.

— Ну, возможно, я... выследил несколько молодых пар, которые пытались завести детей, пробрался в их дома и по самое не хочу зачаровал их кровати, — признал он неохотно.

— Гарри! — воскликнула Дора, слишком ошеломлённая, чтобы расстроиться. — Ты не можешь просто так наугад зачаровывать чужие кровати, чтобы удовлетворить своё любопытство!

— А что в этом плохого? — защищаясь, спросил Гарри. — У этих пар будет самая лучшая и самая удовлетворительная сексуальная жизнь в городе. Возможно, я даже предотвратил чей-то развод или даже два.

Дора взяла себя за переносицу. Как девушке сказать своему слишком взрослому, но всё ещё незрелому парню, ненавидящему авторитеты, что обращаться со случайными людьми как с подопытными для его экспериментов — неправильно, даже если они от этого только выиграют?

— У трёх из них уже имелись дети, двое из которых оказались магами, так что я определённо на правильном пути, хотя, очевидно, здесь также присутствует и элемент случайности, — продолжал Гарри, не обращая внимания на её задумчивость. Скорее всего, не обращал, ибо с ним никогда нельзя быть уверенным на все сто. — И я попросил Тини присматривать за всем на случай, если кровати притянут каких-нибудь магических вредителей, хотя её и отвлекает тот факт, что в доме нельзя убираться и ещё что-то в этом роде.

— Не могу поверить, — пробормотала она, наигранно качая головой. — Стоило отвернуться на секунду, а ты уже пошёл в разнос, создавая новых маглорождённых. Полагаю, я должна радоваться, что ты не проделал дырки в чьих-то презервативах.

— Это всё ради науки, — надменно выговорил Гарри.

Дора презрительно фыркнула:

— Ну тогда, о великий учёный, как ты объяснишь маглорождённых, рождающихся естественным путем?

— Понятия не имею, — признался Гарри. — Вероятно, это какая-то комбинация земных и космических факторов, сходящихся в нужное время. Рождаемость магических детей, конечно, достаточно низкая в районах, лишённых любой другой магии. С животными это тоже иногда случается, но люди, похоже, гораздо более восприимчивы. Наверное, это как-то связано с разумностью.

Дора покачала головой, чувствуя себя измотанной этим тяжёлым разговором. Она хотела что-то поделать!

— Может, перейдем уже к уроку? Я тут скоро усну, а мы, помимо болтовни, так до сих пор ничего не и сделали.

Казалось, что Гарри повеселел.

— Хорошо. Ты спросила меня ранее, почему использование магии вызывает большой «всплеск». Не могла бы ты сейчас сама ответить на свой вопрос?

Дора в целом не была человеком, склонным к философии и глубоким экзистенциальным измышлениям, она была скорее исполнителем, чем мыслителем, но месяцы выслушивания красноречивых рассуждений Гарри о природе магии и обо всём остальном, что приходило ему на ум, привили ей определённую способность понимать, какой урок он пытается преподать.

— Потому что магия нарушает естественный порядок вещей? — предположила она.

— Десять очков Хаффлпаффу! — шутливо похвалил Гарри.

— Может, дотянешь до двадцати? — проворковала она, кокетливо хлопая ресницами и выпячивая грудь. Помимо способности понимать философские бредни Гарри, Дора также обрела способность определять, когда перепихон был неизбежен, и у неё появилось предчувствие, что этот урок закончится именно этим. И её это более чем устраивало. Немного потного удовольствия стало бы идеальным способом расслабиться после этой тяжёлой беседы.

Должно быть, это всё влияние Флёр.

— Мы обсудим распределение баллов во время вашего наказания, — сурово ответил он, хотя и не пытался скрыть своего пожирающего её похотливого взгляда.

— Наказания?! — спросила она в притворном возмущении. — За что?

— За преступную сексуальность, — ухмыльнулся парень.

Дора надулась и вздёрнула носик вверх, скрывая своё веселье. Затем она уменьшила свою грудь, пока та не стала плоской, как доска.

— А если так? — спросила она, делая вид, что обиделась.

— Эй, я ведь наслаждался их видом, — пожаловался Гарри. — Верни их обратно.

— Нет, — презрительно заявила она, всё ещё притворяясь обиженной. — Ты назвал моих девочек преступницами, и теперь они не хотят тебя видеть.

— Они простят меня, если я их поцелую? — спросил он со смущённым выражением лица.

— Может быть, — беззаботно пожала плечами Дора, оставляя грудь плоской. Может, метаморфомы и способны сделать себе самые идеальные, какие только можно представить,

сиськи, но гравитация всё равно никуда не девалась, а когда у тебя в течение длительного периода времени с груди свисает пара органических мешочков с молоком четвёртого размера, спине приходится нелегко.

— Тогда я обязательно выложусь по полной, — заявил он в манере доблестного героя, собирающегося отправиться в поход, чтобы вызволить принцессу из башни. Вдвойне нелепо, учитывая его циничный характер. — А пока давай вернёмся к уроку.

Дора улыбнулась, не столько из-за мысли о возвращении к уроку, сколько из-за его отношения к отсутствию у неё груди. Она ходила без груди с несколькими своими прошлыми парнями — это был хороший способ проверить их. Их реакция неизменно была негативной. Конечно, Гарри видел, как она, используя свои способности, делала гораздо более странные вещи, чем это, и даже предлагал некоторые из них, но это было приятным напоминанием о том, что он не рассматривал её способности как средство превратить её в свой идеальный образ женщины или что-то в этом роде.

— Да, давай вернёмся к уроку, — тепло вымолвила она, заставив его заморгать от неожиданной симпатии в её тоне.

В любом случае, он не стал её перебивать и вернулся к теме:

— Так, что ж, ты также получила всего десять очков потому, что твой ответ был правильным лишь частично. Если точнее, заклинания нарушают обыденный порядок вещей. Некоторые люди любят антропоморфизировать магию, но эти люди — идиоты. Если бы людей не было, то единственным признаком существования магии было бы случайное появление нового вида, вопиюще нарушающего законы физики, например, драконов, единорогов или фениксов. Интересное отступление: ты замечала, что только магические виды, развивавшиеся самостоятельно, без вмешательства волшебников, обладают частями, годящимися в качестве сердцевины для палочек?

— А как же вейлы? — спросила она. — Их волосы можно использовать в качестве

сердцевины палочки.

— Это не считается. Они происходят от фениксов, и только сами вейлы могут использовать волосы другой вейлы в качестве сердцевины палочки.

— Хорошо, но давай-ка вернёмся к теме, пока ты снова не начал отвлекаться, — сурово выдала Дора.

— Как пожелаешь, — мягко произнёс он. — Тогда мы начнём с чего-то простого, с левитации.

— Но я уже могу это делать, — запротестовала Дора. Это была правда, и даже более того — она уже давно потеряла счёт тому, сколько вещей успела поднять в воздух за последние несколько месяцев.

— Только не с помощью правильного заклинания, — опроверг Гарри.

— Хорошо, что же мне тогда делать? — уступила она.

— Прежде чем мы начнём, нам нужно что-то выбрать, — заметил Гарри и протянул руку. Через секунду в неё влетел камень, и он положил его между ними. — Отлично. Теперь, ты не так давно узнала, как слушать. Так что слушай камень.

Дора сощурила глаза и попыталась сделать именно это. На этот раз слушать мир было

труднее из-за сильной ауры Гарри и заколдованного покрывала, на котором они сидели, к тому же она всё ещё была новичком в этом деле, но в конце концов ей всё же удалось.

— У меня получилось, — отозвалась она, всё ещё сосредоточившись на камне.

— Хорошо, заметила, как он связан с окружающим миром?

— Да, — рассеянно ответила она.

Он просто лежал там, в состоянии покоя. Эхо от заклинания Гарри всё ещё оставалось очень сильным, но в данный момент камень спокойно лежал на месте и так будет продолжаться до окончания времён, если только что-то не сдвинет его с места.

— Ты знаешь принципы заклинаний левитации не хуже других. Создай ментальную конструкцию и примени её к камню.

Дора сосредоточенно нахмурилась, глядя на камень. Он поднялся в воздух, и она одарила Гарри победоносной улыбкой.

— Это не заклинание, Дора, ты всё ещё используешь Проявление Воли. Если мы продолжим аналогию со звуком, то ты просто кричишь на весь мир, а не сочиняешь песню.

Когда она перестала концентрироваться, камень упал, стукнувшись при этом с почти что обвинительным звуком.

— Попробуй ещё раз.

Она попробовала, с тем же результатом. А потом ещё несколько раз, пока не начала расстраиваться.

— Гнев тебе не поможет, — сказал Гарри, несомненно, заметив, что её терпение лопается. — Эмоции отлично подходят для Проявления Воли, если ты умеешь правильно их направлять, и они могут быть полезны для придания некоторым заклинаниям дополнительного импульса, но они также исказят любые используемые тобой чары, дабы удовлетворить эмоциональный импульс, который ты испытываешь в данный момент. Так что, пожалуйста, успокойся. Я не люблю, когда меня бьют камнем по лицу.

Дора хихикнула над шуткой.

— Ладно, теперь я спокойна, — заявила она.

— Давай попробуем другой вариант. Забудь пока о камне. Не торопись, закрой глаза и тщательно выстрой заклинание, пока не убедишься, что оно стабильно. Как только тебе это удастся, мы сможем перейти к его применению.

Сделав ещё один глубокий вдох, она закрыла глаза и сосредоточилась.

— Помни, что заклинание, будучи законченным, является жёстким и негибким наложением на мир. Чтобы оно работало правильно, его границы должны быть тщательно выверены.

Точно, тщательно выверены. Висеть в воздухе на уровне глаз — это то, что нужно.

— Я думаю, у меня получилось, — сказала Дора после почти пятиминутной попытки стабилизировать заклинание.

— Хорошо, тогда наложи его на камень, но сохраняй контроль до самого конца, чтобы оно не развеялось.

— Очень хорошо, — похвалил Гарри через минуту, схватив камень в воздухе и легко разрушив её заклинание. — Немного неуверенно, но для первой попытки очень даже хорошо.

— Мне понадобилась целая вечность, чтобы сделать это, — проронила она в разочаровании.

— Ты работаешь без привычных тебе костылей, — заметил Гарри. — Разум — штука, которую легко отвлечь, поэтому без голоса или взмаха палочкой, чтобы сфокусировать своё намерение, ты, естественно, будешь склонна отвлекаться от поставленной задачи. Практика отточит твою концентрацию.

— Полагаю, дальше мы будем работать над этим? — спросила она проницательно.

— Мы с самого начала работали над этим, но да, — кивнул парень в подтверждение. — В идеале, ты достигнешь состояния ума, что будет полностью чист в своей концентрации и невосприимчив к внешним раздражителям. В дзен-буддизме это состояние называется фудосин — неподвижный разум.

— Дзен-буддизме? — повторила Дора с забавной интонацией. — Ты реально загоняешь эту чушь с кузнечиком, да?

— Цитат Йоды у меня на всё не хватит, — сказал он. — Кроме того, ничего не поделать, ведь мы, европейцы, были слишком заняты, оставаясь бескультурными дикарями и не заботясь о философии.

— Я думаю, тебя это всё немного зацепило, — язвительно заметила она.

— Нет, Европа в наши дни довольно окультурена, — возразил он с ухмылкой. — У нас ушло на это более полутора тысяч лет, после падения Рима, но в конце концов мы всё же пришли к этому.

— В точку, — хмыкнула Дора и умозрительно посмотрела на него. — Итак, насколько далеко вперёд ушли от меня Флёр и Луна?

— Ты не должна сравнивать себя с ними, — укорил Гарри.

— Я и не сравниваю, но всё равно хочу знать, — она, конечно, говорила об этом с Флёр и Луной, но Гарри был единственным, кто мог дать приблизительную оценку.

Гарри вздохнул с некоторым раздражением, отвечая:

— Они, возможно, на пару месяцев опережают тебя, но у каждой из них свой набор проблем. Мысли Луны склонны блуждать, поэтому ей требуется больше времени, чтобы освоить отдельное заклинание. С другой стороны, она отлично справляется с многозадачностью и способна двигаться во время Чароплётства без заметной потери концентрации, с чем, как я подозреваю, у тебя будут проблемы. У Флёр, как всегда, проблемы с контролем. Её боевые заклинания более нестабильны, чем хотелось бы, поэтому она, вероятно, довольно долгое время не будет делать ничего слишком сложного. Что касается её небоевых заклинаний... ну, они, как правило, выходят немного... за неимением других слов, сексуальными.

— Сексуальными? — спросила Дора, приподняв бровь.

— Да, сексуальными, — сязвив, подтвердил Гарри. — Сейчас она прекрасно справляется со своим Очарованием, но в конце концов, она всё ещё магическое существо, а Очарование — неотъемлемая часть её натуры и имеет тенденцию просачиваться в любые заклинания, которые она произносит без помощи палочки. К примеру, если она попытается наложить на кровать очищающие чары или какие-нибудь заклинания, влияющие на всю комнату, тогда любой, кто войдёт в эту комнату и будет спать в этой кровати, почувствует себя необычайно любвеобильным.

— Подожди, так вот почему я в последнее время чувствую себя такой чертовски похотливой? — спросила Дора.

— Возможно, — серьёзно ответил Гарри, хотя его губы всё же подёргивались.

— Вот же коварная сучка! — рассмеялась Дора. — Теперь я понимаю, почему она так настаивала на том, чтобы взять на себя все домашние обязанности.

— Ну, я действительно советовал ей практиковаться, и кто знает, может быть, намеренное осквернение её заклинаний похотью позже научит её отсеивать этот эффект, — пожал плечами парень.

Дора презрительно фыркнула. Как будто Флёр вообще захочет учиться этому.

— Кстати, о Флёр, надо бы проверить, закончили ли она и Луна с едой, — поскольку на этот раз они решили не брать с собой даже домашних эльфов, им пришлось самим готовить себе пищу. Это вышло... интересно.

Флёр, в общем-то, была не так уж плоха на кухне, но имела прискорбное пристрастие к рыбе, которое никто не разделял.

Луна любила пудинг. Очень любила пудинг. Лучше всего было не оставлять её надолго без присмотра.

Гарри был очень терпеливым человеком во многих отношениях, но только не в том, что касалось еды. Практически всю свою жизнь он жил так, чтобы за него готовили другие, всегда был чем-то занят и страдал от скрытого недовольства тем, сколько времени уходит на приготовление еды. Если бы он был предоставлен самому себе, то, вероятно, ему быстро надоело бы готовить, и он начал бы есть ингредиенты сырыми, когда это было возможно, и в конце концов перешёл бы на орехи, фрукты, овощи и хлеб. А может быть, он даже создал бы алхимический питательный порошок, который можно будет добавлять в стакан воды и вообще отказаться от еды. Это было бы как раз в его стиле — бесполезно потратить время на какую-то херню.

Не то чтобы Доре было на что жаловаться. До переезда к Гарри её питание состояло в основном из еды на вынос и всего, что можно было приготовить в микроволновке, хотя причиной тому была скорее лень, чем нетерпение.

— Да, полагаю, что стоит, — согласился Гарри, вставая и потягиваясь.

Дора слегка нахмурилась. Неужели она неправильно поняла ситуацию? Она была уверена, что Гарри намеревался воспользоваться этой возможностью для уединённого секса.

Скрывая своё разочарование, она кивнула и тоже встала, чтобы размяться.

...и не смогла сдержать ухмылку, когда Гарри подошёл к ней сзади и заключил в объятия.

— Ты ведь не думала, что я так просто тебя отпущу? — промурчал он, покусывая ей ухо.

Дора задрожала от удовольствия и растаяла в объятиях.

— На секунду я действительно подумала, что остудила твой пыл, — призналась она.

— Что, той плоской грудью? — насмешливо хмыкнул парень, потянувшись вверх, чтобы слегка ущипнуть её за соски, отчего Дора удивлённо вскрикнула. — Мне, как и любому другому парню, нравится красивая грудь, но этого недостаточно для того, чтобы лишить тебя сексуальности. Кстати говоря, кажется, я обещал им компенсацию за то, что назвал их преступницами.

Дора улыbnулась на комплимент и издала довольный стон, когда он укусил её за шею именно так, как ей нравилось, опустившись на колени и увлекая её за собой. От ощущения его члена, пульсирующего в ложбинке между её ягодицами, чресла Тонкс вспыхнули от желания.

Полчаса спустя она проводила пальцами по рунным шрамам на спине Гарри, а он лежал на ней и медленно покусывал мочку её уха. «Посткоитальное блаженство» приобретало совершенно новое значение, когда участники были магически связаны на таком глубоком уровне, и слова становились излишними, а все мелкие жизненные проблемы казались незначительными.

Почему она так боялась этого?

<http://tl.rulate.ru/book/17817/4745047>